

ПОЧЕМУ НЕТ МОЛИТВ О ЖЕНИТЬБЕ?

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

— В Евангелии от Луки рассказывается, как после чудесного лова рыбы «увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: уйди от меня, Господи, ибо я муж грешный» (Лк 5:8). Почему Петр просит Господа уйти?

Свящ. Георгий Кочетков: Это интересное место Писания, которое говорит о том, что при встрече с Богом или Божественной силой — когда человек становится свидетелем чуда или чувствует приближение того мира, который ему повседневно незнаком — человека часто охватывает страх.

Однако страх может быть разным. Он бывает животным, подавляющим человека, он может быть фобией, психологическим комплексом. А может быть и чувством благоговения, трезвенного осознания того, что ты сам далёк от того мира, который тебе готов открыться в данный момент. И страх апостола Петра — это, скорее всего, смешение чувства благоговения и того страха, который испытали на себе иудеи, когда, например, Моисей получал скрижали Завета на Синае на горе Хорив.

Мы далеко не сразу освобождаемся от человеческих страхов, преодолеваем свои комплексы, обретаем трезвенность в духовной жизни. Человек хочет сблизиться с Богом, но дистанция между ними всегда остаётся, поэтому должно быть чувство близости, но должно быть и трезвенное чувство дистанции. Поэтому слова апостола Петра для нас поучительны и своей искренностью, и как свидетельство того, что человек всегда находится в духовной борьбе, всегда находится в духовном движении, когда встречается с Богом и входит в себя, обретает себя в новой жизни.

— Батюшка, есть ли какие-то определенные молитвы для благословения Божия в выборе и построении отношений с невестой? Знаю, что есть молитвы «о замужестве», но почему-то нет молитв о женитьбе. Если таких молитв нет, тогда что требуется от молодого христианина, чтобы найти невесту, угодную Богу?

О. Георгий: Действительно, молитв о нахождении невесты, полностью соответствующей Божьему выбору, нету, да их и не может быть, потому что это живой процесс. Когда человек ищет себе невесту, он поступает так, как поступают все люди на земле. Воля же Божья проявляет себя не в том, какая, когда и как будет найдена невеста, а в том, чтобы между женихом и невестой были не только отношения рода, плоти, выгоды, отношения психологически или социально, или, хуже того, материально обусловленные, а чтобы это были отношения действительно христианские, основанные на служении Богу, на самоотвержении, на несении своего креста. И если человек ищет невесту ради Христа и готов ради Христа понести все скорби и трудности этой жизни, и в то же время готов отказаться от себя и от своего — если нужно, даже от своего брака — ради Христа, то тогда он ближе к подлинному браку и исполнению воли Божьей, чем во всех других случаях.

— Уважаемый батюшка! У меня есть большая просьба помочь родственнику, который крещенный, но еще не воцерковленный, новоначальный — привести к истинной вере и отсеять ереси и суеверия, которые он прочитал или знал, в которые верил в течение всей своей жизни. Дело в том, что он человек позитивный и меня лично не слышит, а считает что я все сама выдумываю и ущемляю его в жизни — он очень гневается, раздражается и абсолютно не хочет воспринимать мои слова.

А я пытаюсь объяснить ему, что Бог — это не какая-то Божественная энергия, которая сходит с небес в храм, а это наша совесть, наше дыхание, наша жизнь и мы постоянно всегда находимся под «Всевидающим оком» и дома тоже; что здоровье человека не находится в абсолютной зависимости от питания — питание хоть и имеет для нашего тела значительную роль так как тело состоит из таблицы Менделеева, но в основном зависит от наших грехов и промысла Божия; что нельзя верить в суеверия — черных кошек, монет, упавших орлов или решкой, счастливых чисел, дней и т.д.; что нельзя верить в магию любую — хоть и так называемую Белую, что нет «хороших» экстрасенсов или бабок-заговорщиц или ясновидящих или инопланетян или гороскопов; что нельзя верить в то, что «вода смывает грязную информацию» и что надо обливать себя каждый день водой для снятия порчи и сглаза; что нет кармы как таковой, а у нас есть покаяние и таинства церковные; что все грехи, начиная с 7-летнего возраста надо рассказать на исповеди, несмотря на то что это все уже в прошлом и даже если он курил, а сейчас бросил и не курит, то грех курения в прошлом тоже надо исповедовать и за каждый прожитый день если согрешил — он гневлив, деспотичен и надо на исповеди говорить и каяться; что если приложить радио к телу во время чтения молитв в передаче «Радонеж» и др. православной, то это не значит что это место будет лечиться; что нельзя материться и посылать все «к черту» и поминать «чертей»; что нельзя

БРАК В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ
Коптская икона

гневаться и кричать и тем более на своих близких, т.к. именно с ними нам судил Бог жить в мире и взаимопонимании — хоть и гораздо проще жалеть и прощать посторонних людей, чем своих близких и что от гнева и взаимоотношений с близкими зависит вся наша жизнь — так как Бога больше всего огорчает наша нелюбовь к близким своим; что нельзя другого человека представлять только по собственному мнению, а в первую очередь надо спросить ближнего, а что он думает или что он хочет или что он может — здесь мой родственник вообще невозможен в общении, разговаривать хочет только в режиме его собственного монолога, его даже не интересует другое мнение, а все вызывает спор, гневливость, скандал, упреки, осуждение; что нельзя скандалить, обзывать в своей семье со своими родными (он считает своей обязанностью прессовать и командовать вплоть до самых мелочей и злиться, если хоть что-то не по его воле происходит); что если масло в храме освещено, то оно святое и не зависит от того, кто его изготавливал, хоть и не очень хороший человек (он считает, что масло или мази делают люди, которые тоже имеют грехи, страсти, и поэтому освещенное масло все-таки зависит от тех людей, которые его изготавливали, что к иконам в храме прикладываются разные люди — и больные и гриппозные и туберкулезные и можно заразиться, если прикладываться к иконам, что все люди и больные тоже причащаются из одной чаши и можно заразиться, если причащаться вместе с ними, тем более если в конце причастия или причащаясь непосредственно после больного человека, хотя бы и просто кашляющего); что благословение священника не зависит от личных качеств и грехов самого священника; что надо читать ЕВАНГЕЛИЕ и ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ, чтобы правильно понимать СВЯТОЕ ПИСАНИЕ, что надо читать СВЯТЫХ отцов, их жизнеописание — он считает, что в наше время никто не читает этой книги и ее читать ни к чему.

Прошу полно ответить по поводу его заблуждений и книг которые он прочитал и объяснить ему, в чем именно в этой каждой книге неправда. Очень прошу вас, батюшка, откликнуться с подробным ответом, так как человек не хочет слушать меня, а посторонних верующих у него нет, все нецерковные и мне очень тяжело с ним общаться. Постоянно агрессия с его стороны идет на меня и он кричит, что он так всю жизнь жил и его не надо переделывать, а я уже отчаиваюсь. А в храме он подходит к батюшкам со своими заблуждениями не будет, так как он не понимает, что он в заблуждениях.

Привожу список части книг, которые он читает, с аннотацией на каждую книгу*.

О. Георгий: На самом деле здесь не нужен подробный ответ. Я не думаю, что нужно специально отвечать на вопросы, надо ли прикладывать к сердцу радио Радонеж, а после этого материться и посылать всё к чёрту. Картина достаточно ясная, и можно было написать эти двадцать вопросов, а можно было два, или, наоборот, двести два — и ничего не изменится, потому что суть-то понятна. Человек, о котором идёт речь, неверующий, он нормальный язычник, потому что его представления о жизни, о взаимоотношениях между людьми, о Боге, его взгляды,

ощущения, практика — всё это целиком укладывается в языческую парадигму «пользы для себя» и произвола — «как хочу, так и живу, что хочу, то и творю, а некая энергия, некая высшая сила, которая полезна для меня, должна мне помогать». Вот и всё, что стоит за позицией несчастного родственника автора письма. Все эти суеверия, все эти упражнения ради собственного здоровья, блага, удовольствия, ради индивидуализированной и очень невысокого качества жизни, все те нервные срывы, которым подвержен этот человек, просто говорят о том, что сердце этого человека действительно не открыто, что он никому не доверяет, что он верит только себе, что он не верит ни в Бога, ни в чёрта, и на самом деле живёт просто как мещанин, рационалист местного разлива. Таких людей много, очень много. И их очень жаль, тем более, что они прожили таким образом почти всю свою жизнь. Им действительно трудно исправляться, трудно что-то менять. Им даже, хуже того, не хочется ничего менять. На самом деле они довольны собой и тем мещанством, которое владеет ими. Они приспособились к той серой, если не сказать адской, жизни, которая царит для многих людей на земле.

Что касается позиции самого автора письма, она тоже не безупречна, хотя, конечно, по-своему благочестива. Это позиция верующего христианина, но воспринявшего многие постулаты веры и традиции церкви довольно поверхностно и немного наивно. Вера и жизнь христианская на самом деле значительно сложнее. И надо иметь достаточно смирения, чтобы понимать, что то, до чего человек достиг, это ещё далеко не всё, что требуется от него как от христианина. Конечно, всегда хорошо, когда человек выступает против суеверия, магии и других подобных полуокультиных, полумещанских вещей. Но нельзя сказать, что его наивная вера, скажем, в силу таинств, в силу церковных обрядов и священнодействий, которые как будто бы совсем не зависят от священника, не требует уточнения, углубления. Потому что такая наивная вера по меньшей мере неполна. Да, мы всегда утверждаем, что таинство и сила освящения не зависят от личных качеств священника, но в то же время нельзя думать, что священник — только голая функция, которая никоим образом не влияет на происходящее. Конечно то, что Господь делает, то Он делает. Но ведь Господь может и не делать. Грехи священника могут вызвать отчуждение от Бога, особенно если его дух резко противоречит Божьему духу. Известно, что Господь может отвернуться от человека, когда человек отворачивается от Бога. При том огромном влиянии, которое нередко имеют священнослужители, это совсем не праздные вещи. Надо действительно думать о том, а что же представляет собой священник, какова роль руководителя церковной жизни. Не собственной силой он освящает — это правда, но Господь Бог тоже не компьютер, и таинства не совершаются так, чтобы можно было «нажать на кнопку и получить благодать». Священник не управляющий этим процессом менеджер, а Господь Бог не механизм, не виртуальное пространство, не виртуальная сила. Это надо учитывать. Конечно, есть сложные вопросы, ну, например, как быть с причастием от одной ложки, если люди, допустим, тяжело больны. В XVIII веке были так называемые чумные бунты в Москве, когда иерархия запрещала причащаться всем от одной ложки во время чумы. Есть случаи, когда действительно нужно употреблять какие-то простые меры предосторожности, в том числе и в отношении почитания святых, которые как раз исключают магическое отношение к ее действию. Допустим, когда люди подходят прикладываться к иконе, даже если она просто за стеклом, то обычно в храмах стоит какая-нибудь благочестивая женщина и смоченной соответствующим раствором тряпочкой протирает после прикладывающихся людей стекло, чтобы никакая грязь, или помада, или какая-нибудь инфекция не попала на тех, кто идёт вслед. На самом деле это важно. Пренебрегать человеческим и материальным не стоит, даже тогда, когда действует Сам Господь Бог. К тому же мы не можем на Бога смотреть как на золотую рыбку, как на просто Того, Кто исполняет наши пожелания — и всё.

Ну, а список литературы, конечно, только подтверждает сказанное. То, что человек читает такие книжки, говорит о том, что он совершенно не разбирается в духовных вещах, что он просто хочет уловить Жар-птицу за хвост, уловить какую-то сверхъестественную энергию, присвоить себе какие-то силы, возможности, не думая об их происхождении, не думая о том, где реальность — а где самовнушение, где иллюзия — а где действительно те энергии и силы, которыми пропитана наша земля, и каковы эти силы. А они бывают самыми разными, бывают от Бога и не от Бога. И наше отношение к ним должно быть соответствующим.

* Далее в вопросе приводился список 13 книг, посвященных нетрадиционным методам оздоровления, самовнушения и т.п., который мы не перепечатываем

В КОМ СЕРДЦЕ ЕСТЬ, ТОТ ДОЛЖЕН СЛЫШАТЬ ВРЕМЯ...

Очевидцев репрессий почти не осталось, но пока еще живы их родные и близкие, которые помнят

— Кто в вашей семье пострадал в годы сталинских репрессий?

Татьяна Авилова: В нашей семье таких людей было немало. Кого-то судили и расстреляли. Был человек, которого расстреляли без суда. Был человек, который прожил больше 20 лет и вышел совершенно сломленным. Моя родная бабушка Мария Шимановская тоже сидела, мой родной дедушка Константин Гаврилов тоже и сидел, и очень серьезно пострадал.

— Когда Вы узнали об этом? Это скрывалось в семье?

Татьяна Авилова: Про бабушку Марию и дедушку Константина не скрывалось, потому что это стало общей трагедией семьи. Из-за этого наша семья вынуждена была уехать с Дальнего Востока, где мы жили, бросить дом. Мы тогда с сестрой были маленькими детьми. Это было связано с судьбой моего деда, которого посадили. Над ним издевались, а потом выпустили, потому что, наверное, он уже никакого интереса для них не представлял, т.к. был уже совсем больным и сломленным человеком. Он был музыкантом, художником — человеком очень хрупким по своей природе. В годы войны ему пришлось отвечать за распределение продуктов на его работе, его на эту должность поставили, потому что он был кристально честным человеком (моя мама унаследовала от него это удивительное качество). Ну и, естественно, такого человека посадили, а, выпустив, перечеркнули его паспорт. Это было во Владивостоке в начале 50-х. Так как это была пограничная зона, каждую неделю в дом приходили пограничники для проверки документов. Мой отец, рискуя своей карьерой, выхлопотал ему право на проживание с семьей, но паспорт ему не восстановили. И поэтому каждую неделю приходили эти пограничники и каждую неделю садистски измывались над ним, требуя его выселения в 24 часа. Дедушка пытался даже покончить с собой, и его несколько раз просто спасали от смерти. Все это висело такой тяжестью в доме, что мы вынуждены были уехать. Поэтому про него я что-то знала.

— В чем его обвиняли?

Татьяна Авилова: Вот этого я не знаю, потому что никаких документов на реабилитацию никто никогда не подавал. Бабушку сажали за то, что у нее родственники находились на китайской территории, служили в американском банке. Ее брат, Григорий Манаев, провел в лагерях более 20 лет. Это еще один человек загубленной судьбы. Талантливый музыкант, игравший на всех мыслимых инструментах. Его мама была ученицей Рубинштейна, и он рассказывал нам, что все детство провел под роялем. Можно сказать, благодаря музыке он и выжил в лагерях. Но все это такие тяжелые судьбы, о которых даже и не хочется, честно говоря, рассказывать вслух, потому что там очень много горя и тяжести.

— А как Вы пережили в детстве, что в вашей семье есть такая трагедия? Как Вы к этому относились тогда?

Татьяна Авилова: Это уже когда я выросла, то поняла, какая, наверное, должна была быть аура у этого детства. Детство есть детство. Детство у меня было счастливым. И своего дедушку Константина я очень любила, даже больше, чем родителей. Я помню его доброту, мягкость, он играл на скрипке, рисовал акварели, мы с ним много гуляли по сопкам и у моря. Иногда к нему приходили его друзья, и тогда составлялся небольшой оркестр — скрипка, виолончель, мама садилась за пианино. Когда его не стало, от меня это скрыли, и я очень долго его ждала...

Но, как все дети, я забыла об этом. Когда я была школьницей, мою бабушка начала писать мемуары о своем первом муже — Владимире Шимановском — поляке, строившем транссибирскую магистраль на Дальнем Востоке и расстрелянном в 1918-м году белыми. Это была ее большая любовь, они прожили вместе 10 лет. Он по убеждениям был меньшевиком, но при наступлении белых не захотел оставить своих рабочих, которые, надо сказать, относились к нему с большим доверием и уважением. Они с моей бабушкой были арестованы одновременно и посажены в Благовещенске в одну тюрьму, но перед его расстрелом им даже не дали попрощаться. Сохранилось его прощальное письмо, написанное перед казнью, которое наполнило меня гордостью за него. Впоследствии коммунисты объявили его своим и назвали его именем город — Шимановск.

Я больше знала об этом человеке и о том революционном времени. Только в старших классах мне мама рассказала о своем отце и о том, что с ним произошло. Видимо, она ждала, когда я повзрослею и смогу как-то это воспринять. Но это уже было время, близкое к моменту, можно сказать, моего прозрения, которое пришло, когда я попала в Институт стали и сплавов. Это был конец 60-х.

— То есть это уже после разоблачения культа личности?

Татьяна Авилова: Да, конечно, после. Хотя в нашей семье Сталин никогда не был кумиром, и я прекрасно помню момент, когда объявили о его смерти. Мы жили во Владивостоке. Я была ребенком, но очень хорошо запомнила то внутреннее состояние, которое было в доме. Напряженное ожидание в полной тишине. Видимо, родители не позволяли себе никакой радости, т.к. непонятно было, что за этим последует. Но ожидание было. И я помню это радио, круглую черную тарелку, из которой непрерывно лилась торжественная музыка, и одновременно вот эту тишину в доме.

А в институте как-то я сразу попала в круг друзей, чьи родители, да и они сами были диссидентами. И вот тог-

Мария и Владимир Шимановские

да наступил момент моего прозрения, перелома какого-то внутреннего, какого-то потрясения. И это было, как я сейчас помню, связано в первую очередь с тем, что мне попал в руки на одни сутки первый том «Архипелага ГУЛАГ».

— История семьи не убеждала так, как убедила эта книга?

Татьяна Авилова: История семьи через эту книгу как бы высветилась. Она как будто была в темноте, как будто была забыта, а тут каждое слово легло в свою строку и получило совершенно другой внутренний импульс. Эти семейные истории, наверное, дали какой-то внутренний заряд на то, чтобы не остаться равнодушным к тому, что пришло в момент осознания. При чтении «Архипелага ГУЛАГ» мне хотелось все запомнить, чтобы передать другим, потому что это должны знать абсолютно все. Было совершенно очевидно, что это знание нельзя держать в себе, что оно должно стать достоянием всех. Мне хотелось переписывать каждую цифру. Я сидела ночью, что-то пыталась записать, и одновременно понимала, что не могу переписать всю книгу. Было непонятно, получишь ты ее заново в руки или не получишь, потому что в те 70-е только за то, что ты держишь ее в руках, тебя могли посадить. Эти истории были сплошь и рядом.

— Как Вы пережили этот конфликт? Вдруг мир открылся вот таким совершенно ужасающим образом. Как внутри себя Вы смогли это примирить?

Татьяна Авилова: Меня не надо было примирять. Я просто как-то в одночасье, не сомневаясь, встала на определенную сторону. Только было глупее желание, чтобы все, также как и я, прозрели и захотели об этом узнать. Это было сродни религиозному неофитству.

— Не возникло какого-то ужаса, отвращения к стране и народу, который дошел до такого состояния?

Татьяна Авилова: Ужас был, но отвращения я не помню. И отвержения народа я тоже не помню. Ну а потом, это же все-таки была молодость, а в молодости мы всегда полны надежд на то, что все можно изменить. И если это сейчас открывается, открывается целому поколению, то значит, что это как раз и есть наша жизнь и наша задача.

— С тех пор, как Вы узнали об истории своей семьи, своей страны, прошло много лет. Как Вы храните эту память, как Вы живете с ней?

Татьяна Авилова: Она формировала мировоззрение. С другой стороны, жизнь была такая, что не давала возможности усыпать этой памяти. Всегда были рядом люди, которые за это по-настоящему страдали, а ты об этом знал и следил за всем, и переживал. Поэтому памяти всегда было чем питаться. И потом, запретный плод... А был он, ох, какой запретный! И, наоборот, в начале перестройки, когда все открылось, я переживала отчасти то, что переживали многие диссиденты: то, что составляло для них цель и смысл жизни, вдруг перестало иметь такую ценность. Ты был обладателем сокровища, которое хотел до всех донести, и вдруг открылись кладовые — бери и, пожалуйста, пользуйся, кто хочет! А по большому счету это сокровище мало кому оказалось нужным, и непонятно, что с этим делать. Но для меня это время совпало со временем моего прихода в церковь. И что-то осветилось в жизни по-другому, и все приоритеты выстроились по-новому.

— А вот личную, семейную память о людях погибших, пострадавших как Вы храните?

Татьяна Авилова: Мне всегда хотелось рассказать так, чтобы эти судьбы, само то время перешло в память моих детей, потому что и наше поколение уйдет, как ушли мои родители, и я понимаю, что очень о многом их не расспросила. Может быть, поэтому мне всегда хотелось попробовать выяснить, что произошло с близкими людьми, в судьбе которых осталось так много для нас белых пятен...

Слава Богу, когда благодаря обществу «Мемориал» появились книги памяти, и они стали доступны в интернете, об одном из этих людей, Льве Карахане, муже сестры моей бабушки, я многое смогла выяснить достоверно, набрать даже немало документов в связи с его судьбой и с его смертью. Он расстрелян в 1937 г. по приговору Военной Коллегии, сожжен в Донском крематории, и его прах погребен в общей яме, над которой многие десятилетия стояла циничная табличка «Могила невестрбованных прахов». Я смогла прийти к его могиле. И это очень важно — у меня было такое ощущение, что я отдаю долг, который очень долго не мог-

ла отдать. Внутри меня это был какой-то завершающий момент знания.

Проблема нашего времени: очень многие люди не знают, что с их близкими происходило и где они похоронены. Мы совсем недавно вернулись из паломничества в Луганск, где видели огромные поля, на которых похоронены, нет, зарыты десятки тысяч убитых людей, и нет никакого личного отношения к этому месту, оттого, что никто не знает, кто именно там зарыт. И растет на этих полях забвения только бурьян...

Мне кажется, что для Бога не важно, где зарыт человек, от Него нет секретов. Но для человеческой памяти это почему-то очень важно — как штрих завершения истории человека. Нам всегда хочется знать, где человек умер, как он умер, что было с ним в последние мгновения жизни, есть ли какое-то свидетельство о том, как он уходил из жизни. Это очень важные моменты. И вот когда я, например, узнала про Владимира Шимановского, о котором говорила раньше, что он в последние часы перед расстрелом сидел, углубившись в самоучитель английского языка, и настолько, что даже не услышал прихода конвоира (это оказался человек знакомый, который, собственно, об этом потом и свидетельствовал), для меня важно было узнать, что его последние минуты были такие. Это, наверное, даже нельзя назвать самообладанием. Это какое-то другое свойство в человеке, которое позволяет преодолеть страх смерти.

— У Чуковской в «Спуске под воду» очень много об этом. Там героиня как раз пытается каким-то мистическим почти образом постичь, что же было с ее мужем, как кончилась его жизнь. И для нее это тоже принципиально важно. Еще такой вопрос: чувствуете ли вы в себе этих людей, которые вошли в Ваш род, частью которых Вы являетесь?

Татьяна Авилова: Я ощущаю в себе не столько их, сколько внутреннюю связь, которой связаны все люди внутри своего рода. Хотят они этого или не хотят, знают ли они о своих родных или не знают, но есть вот эта духовная связь между людьми. Я помню, что в 1991-м году, когда открылись церкви и о многом можно стало говорить открыто, когда появились первые напечатанные акты реабилитации, когда газеты каждый день были полны списками реабилитированных людей, был назначен день общецерковного отпевания невинно убиенных жертв репрессий. Мы тогда еще служили во Владимирском соборе. У нас это была не просто панихида, еще был крестный ход в тот день, и вот этот момент был очень важным, потому что я молилась не только об убитых, но и о тех, чья жизнь была покалечена этим временем. И они все были связаны, и они точно так же связаны со мной и остаются в моей памяти по сей день, потому что я о них помню в своих молитвах.

— А Вы простили тех, кто мучил Ваших родных, кто их убивал?

Татьяна Авилова: Мне кажется, вопрос прощения — это очень личная вещь. Если бы я знала конкретно какого-то человека, который был причастен к трагедии кого-либо из моих родных, этот вопрос, наверное, стал бы во весь рост. Но таких людей нет. Можно говорить о том, что я не то, что не прошоаю, я не приемлю самого режима, самих законов, которые властвовали над людьми в то время. Но, может быть, непримиренность с тем, что было в нашей стране, связана именно вот с этой памятью не только о своих близких, но и об очень-очень многих. Более того, когда попадаешь в те места, где похоронены тысячи людей невинно убитых, такие как Бутово в Москве, Медное в Твери, Левашово в Питере, Рутченково поле в Донецке, уже и свои отходят на другой план, встают в общие ряды. И уже в этих местах начинают работать какие-то всеобщие связи рода человеческого и давать внутреннее знание для сердца человеческого гораздо большее, чем может быть дать знание связи внутри рода.

История имеет свои законы и свой ход. Мы этих людей называем жертвами, и вот это слово, наверное, является ключевым. Жертва всегда за что-то приносится и для чего-то. Можем ли мы сегодня осознать, за что? Церковное сознание способно размышлять об этом и давать ответ, за что мы понесли такие потери. Но правильнее думать, для чего. Это очень сложный вопрос, и насколько я понимаю, он не осмыслен до сих пор глубоко, чтобы говорить об истории страны в этом контексте.

— Может быть, здесь важен именно Ваш личный опыт переживания, потому что они за Вами, они те, кто стоят в Вашем роду? Какой имеет смысл для Вас, что они пережили такую жизнь?

Татьяна Авилова: Я могу сказать, что прикосновение к их судьбе совершает что-то во мне, что для меня бесконечно ценно и дорого. Вот так же, как если человек живет и никогда не испытывает ни боли, ни горя, то рассчитывать, что он сможет сочувствовать другому, реагировать на его боль, не приходится. Часто поэтому и юность, и детство бывают такими безжалостными. А это тот опыт, наверное, который должен нас всех делать человечнее. И в себе я это ощущаю совершенно четко. И, может быть, через судьбы не только моих родных, но и множества людей, к трагедии которых удалось прикоснуться глубоко и лично, погибшие миллионы людей перестают быть статистикой. И тогда понимаешь, что это миллионы отдельных людей, отдельных судеб, отдельных непржитых жизней и отдельных трагедий, и что мы, сегодня живущие, связаны с ними неразрывно.

Беседовала Юлия Балакшина